

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ АДЫГОВ В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ II ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Инга Закровна Суханова

Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия,
sukhanova.inga@yandex.ru

Аннотация. В данной работе рассматриваются вопросы трансформации соционормативной культуры адыгов в условиях административно-правовых преобразований II половины XIX века. Обосновывается значимость соционормативных регуляторов общества, роль традиционных общественных институтов в сбережении самобытности этноса. Делается акцент на активную российскую политику в отношении народов окраин с целью включения и быстрой адаптации в политическую и правовую систему России.

Ключевые слова: соционормативный регулятор, культура стыда, обычай, адат, «Адыгэ Хабзэ»

Для цитирования: Суханова И. З. Трансформация соционормативной культуры адыгов в условиях административно-правовых преобразований II половины XIX века // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 2. С. 33–39. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-33-39>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

TRANSFORMATION OF THE SOCIONORMATIVE CULTURE OF THE ADYGES UNDER THE CONDITIONS OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL TRANSFORMATIONS OF THE II HALF OF THE XIX CENTURY

Inga Z. Sukhanova

Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia,
sukhanova.inga@yandex.ru

Abstract. In this the author deals with the issues of transformation of the socio-normative culture of the Circassians in the context of administrative and legal transformations in the second half of the 19th century. The author substantiates the importance of socio-normative regulators of society, the role of traditional social institutions in preserving the identity of the ethnic group. The article focuses on Russia's active policy on peoples living on the outskirts, so that they become involved and quickly adapt to the political and legal system of Russia.

Keywords: socio-normative regulators, culture of shame, custom, adat, «Adyghe Khabze»

For citation: Sukhanova I. Z. Transformation of the socionormative culture of the adyges under the conditions of administrative and legal transformations of the II half of the XIX century. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(2):33–39. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-2-33-39>

Соционормативная культура общества – это саморегулирующаяся система, включающая социальные, правовые и моральные нормы, охватывающие социальную организацию и институты общества. Важной функцией данной системы выступает координация деятельности различных социальных институтов и нормативных механизмов регуляции общества. Существуют различные приближенные по значению термины к пониманию соционормативной культуры. Как отмечает А. Б. Ярославский, это «национальное самосознание», «этническая идентичность», «ментальность» [1, с. 8].

Особо ценные для народа идеи, на которые опирается общество, включают в себя регулятивную функцию. По мнению известного российского философа и мыслителя Г. Г. Шпета, ««Дух народа» есть по преимуществу такой «дух»; мы узнаем его в «образе», символизирующий смысл и идею «народа» и который мы раскрываем в типологических изображениях его состава и изменения во времени» [2, с. 93].

Как справедливо отмечает ученый Гусейнов А.И., «Культура и право, будучи элементами соционормативной системы, оказывают воспитывающее воздействие на поведение людей как через отдельные нормы, институты и механизмы, так и как самостоятельный фактор духовной жизни общества» [3, с. 143].

Следовательно, приобщение индивидов к ценностям и системе соционормативных регуляторов того или иного общества, определяет его принадлежность к народу, нации.

Весьма интересной является позиция В. Ю. Хотинец, считающая, что «эмоциональная сторона этнического самосознания включает чувство национальной гордости, чувство собственного достоинства за вклад в приумножение богатства своей страны» [4, с. 68]. Современный теоретик права Г.В. Мальцев дал свою трактовку данного понятия: «Социальное, т.е. моральное, правовое и иное регулирование есть осуществляемое определенным авторитетом или властью упорядочение общественных процессов посредством сознательного их подчинения установленным нормам (правилам) с целью организации целесообразного развития общественной жизни» [5, с. 17].

Культурно-историческое развитие адыгского общества во второй половине XIX века базировалось на соционормативных регуляторах, отраженных в традиционных общественных институтах, регламентирующих реализацию правовых, моральных, этических, бытовых норм поведения индивидов.

Система соционормативной культуры адыгов складывалась на протяжении длительного времени, под влиянием внутренних и внешних факторов, были выработаны особые культурные коды этноса [6, с. 232-237]. Специфику традиционной культуры адыгов образовывали определенные черты, которые сформировались в условиях традиционного общества. Особо можно выделить воинский стиль жизни, нашедший свое отражение в материальной культуре через пищу, одежду, оружие, а в духовной сфере он проявился в мифологии, эпосе, пословицах, притчах, песнях.

Жизнь адыгов в хозяйственном отношении была подчинена в рассматриваемый период традиции. Были распространены обычаи совместных сельскохозяйственных работ, аренды земли для запашки и выгона скота. Были обычаи взаимопомощи в организации свадеб, похорон, распространена была помощь нуждающимся членам общины. Несмотря на этническую специфику традиционного быта адыгов, существовали многие общие принципы, как писал Р. А. Ханаху, обусловленные «как культурно-типологической общностью (традиционализмом), так и наличием общих (схожих) форм хозяйствования, сформировавшихся в результате взаимосвязей народов Северо-Западного Кавказа и обмена опытом» [7, с. 42].

Особое место в системе соционормативных регуляторов адыгского общества занимали ценности семьи, морали, этики, чести рода. По мнению Р. А. Ханаху, ценности эти своеобразные «точки опоры» культуры [7, с. 46-47]. Природа подобных ценностей объективна, и тот или иной социум в различные исторические периоды стремиться их сохранить. С этой точки зрения справедливо высказывание П. С. Гуревича: «Однако есть такие абсолюты, которые значимы для всего человеческого рода, без них единство человечества не было бы столь тотальным» [8, с. 140].

Значительную роль в адыгском обществе играли солидаристские ценности, когда индивидуальное начало подчинено коллективному и сливается с ним. В традиционном обществе индивид избегал ситуации морального осуждения со стороны членов своей общины. Для любого члена общины изгнание как санкция за неблагоприятные, постыдные проступки являлось суровым наказанием. Особая роль принадлежит в данном контексте культуре стыда. Каждый в традиционном адыгском обществе должен был не допустить осуждения со стороны остальных членов общины, и не должно быть стыдно перед самим

собой. Социальный контроль через регулятор стыда был максимальным. Позор приводил к бесчестию и был страшнее смерти.

Систематизация соционормативных регуляторов у адыгов проявилась в морально-этическом кодексе адыгов, который прямо предписывал допустимые образцы поступков и возможные модели поведения адыгагъэ (адыгство). Главным функционалом «Адыгства», как соционормативного регулятора выступало сохранение моральных и нравственных ориентиров в обществе. В свою очередь «Адыгэ хабзэ» – это волевые качества, установки человека, без которых нравственные правила не могли перерасти в акт поведения. Таким образом, адыгство можно понимать как человечность в сочетании с нравственными ценностями и правилами этикета, нарушение которых дискредитирует человека.

«Адыгэ хабзэ» не только регулировал поведение каждого человека, но и проникал в систему общественных институтов. Такие важнейшие элементы адыгского этикета, как культ старшинства, куначество, общественный институт гостеприимства так же регулировались «Адыгэ хабзэ». По данному вопросу французский исследователь XIX века Ф. Дюбуа де Монперэ отмечал, что «Хозяин защищает своего гостя, даже если бы грозила опасность его собственной жизни и жизни его близких; он не отпускает гостя от себя иначе, как только под охраной всадников и поручив его заботам своих союзников; убийство человека, которому было оказано гостеприимство, отомщается с такой же яростью, как и смерть близкого родственника» [9, с. 46].

Довольно объективным в данном контексте представляется мнение Б.Х. Бгажнокова, который рассматривал «Адыгэ хабзэ» как – «морально-правовой кодекс, то есть общественный институт, в котором соединены в одно целое моральные (прежде всего этикетные) и юридические правила и установления. При этом основополагающее значение имеет тот, для нас совершенно очевидный, факт, что идеологической базой синтеза или организационного единства обычного права и этикета является традиционная этика – адыгагъэ. Адыгство придавало нормам «Адыгэ хабзэ» характер целерациональных программ и моделей социального действия, подчиняющихся единому, синергитическому в основе своей замыслу и плану» [10, с. 62–63].

Таким образом, главной составляющей соционормативной культуры, являются соционормативные регуляторы, формирующие несколько основных, типичных форм поведения. К ним можно отнести: неукоснительное выполнение коллективных предписаний и императивов, так же строгость в организации традиционного общества, поведение людей ориентированное на взаимопомощь и поддержку в обществе.

Через общественные институты регулировались взаимоотношения людей, вырабатывались стандарты мышления народа. Для адыгов и кавказского региона в целом XIX век стал периодом глубоких трансформации. С одной стороны, происходило присоединение территорий к России, укрепление российского влияния на окраинах, а, с другой стороны, у народов, проживающих на присоединенных территориях, наблюдался слом традиционных соционормативных регуляторов: на смену традиционному общественному укладу пришел административно-правовой императив российского государства. Целью государственной политики российской администрации являлась максимально быстрая адаптация народов окраин и их включение в правовую и политическую систему Российской империи. Кроме того, население должно было принять общероссийскую ментальность и цивилизационные ориентиры.

Со II половины XIX века Российская царская администрация для более эффективного обеспечения властно-управленческой деятельности, привлекала местную элиту общества из представителей наиболее авторитетных лиц, старшин аулов и военных, настроенных на сотрудничество с Россией. Как и в любом традиционном обществе, так и на Северо-Западном Кавказе значительную роль играл статус и авторитет представителя власти. С этой точки зрения весьма интересной является позиция Е. И. Кобахидзе. Она считает, что Россия, «сохранив за традиционными властными институтами привычные функции, сгладила явные противоречия между различными управленческими моделями, элементы которых, в то же время, как бы встраивались друг в друга» [11, с. 124–125].

В данный период получил распространение набор низших чиновников из представителей местного населения. Большинство пристанских начальников при восстановлении внешнего порядка «обыкновенно, искали средства отделаться от необходимости входить в опасные сношения с народом, и такими средствами у них являлись или ловкий переводчик или же, что еще хуже аульный начальник, назначенный на эту должность из прежних владельцев или очень влиятельных горских фамилий... Передав часть своих обязанностей аульным начальникам или другим влиятельным лицам, чины военно-народных управлений вместе с этим разделили с ними и значительную часть своей власти и своего влияния на народ»¹.

Начало реформ в России привело к изменениям и на Северо-западном Кавказе. С марта 1865 г. были запрещены дар или какое либо иное отчуждение зависимых лиц в другую область, те, кто был продан с нарушениями, освобождались и могли выбрать место жительства.

Крестьян Кубанской области объявили свободными от крепостной зависимости с 1 ноября 1868 г. В этот же год было введено в действие новое Положение, регулирующее устройство Кубанской и Терской областей². Необходимо отметить, что данное положение упраздняло учреждения, ранее осуществляющие управление гражданским населением, куда входили и горские крестьяне. Формировались административная и судебная системы по новому образцу. В каждом ауле назначали старшину из нескольких кандидатов, определенных самим населением. В течение двух лет проходило отмежевание земли, и горцы становились оседлыми. За правонарушения, которые случались в ауле отвечали его жители. Участковые и окружные управления были представителями российской власти.

Учитывая особенности национальной политики и недоверия к местному населению, главами округов назначали лиц русской национальности офицерского звания [13, с. 44]. Управленческую деятельность осуществляли аульные правления, во главе которых был участковый начальник по горским делам, что нашло отражение в источниках того времени: «Для наблюдения за своевременным и правильным устройством новых горских поселений, теперь же назначить способного штабс-офицера, который в последствии мог бы исполнять обязанности окружного начальника» [14, с. 44].

В общественной жизни адыгов проводились земельные преобразования в контексте общероссийских административных реформ.

Начальники военно-народных управлений и окружные словесные суды Кубанской области в пореформенный период в вопросах освобождения неправильно закрепощенных крепостных крестьян обычно оказывали поддержку последним.

Черкесская молодежь, не согласная с новыми порядками, бежала в горы, к хакучинцам, находившимся в горах Шапсугии и совершала нападения на казачьи отряды, что привело к запрету ношения оружия, кроме кинжала для местного населения. Генерал-адъютант Сумароков-Эльстон писал: «Я вынужден сказать, что горцы Кубанской области лишены права носить оружие, отнять же таковое у некоторых обратит опасение и прочих из них осуществлению подобного же действия относительно принадлежащего им оружия. Кроме того, оно вряд ли достигнет предположенной цели, ибо воры точно так же будут бегать и всегда найдут оружие»³.

Именным Указом Кавказского наместника «О новом административном устройстве Кубанской и Терской областей от 30 декабря 1869 г.»⁴ были утверждены новые правила, датой начала административной реформы было объявлено 1 января 1871 г. Вводились новые положения об аульных обществах и регламентации жизни адыгского населения.

¹ Цит по: [12]; ГИАГ. Ф. 545. Оп. 1. Д. 104. Л. 4 – 5об.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание II том XLIV. Отделение 2.-В Тип. II Отд. Собственной Е.В. Канцелярии-[электронный ресурс]С. 412-415 / Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book9955/#page/412/mode/1up> (дата обращения 12.05.2022)

³ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собрание II том XLIV. Отделение 2.-В Тип. II Отд. Собственной Е.В. Канцелярии-[электронный ресурс]С. 412-415 / Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book9955/#page/412/mode/1up> (дата обращения 12.05.2022)

Был определен порядок образования аульных обществ, состав, круг деятельности, права и служебные обязанности должностных лиц аульного управления¹.

В Положении об аульных обществах и горском населении была регламентирована следующая структура: управленческими функциями обладали аульный сход, аульный старшина. Так же были сформированы комиссии по взысканию податей, появились должности смотрителя хлебного магазина и казначея. Значительная часть вопросов решалась аульным сходом, в частности утверждение опекунов и попечителей над сиротами, выполнение модераторских функций при разделе имущества, назначение должностных лиц, избранных аульным обществом, и определение им жалование и др.

За сохранение общего порядка следил аульный старшина, отвечающий за точность исполнения распоряжений российской администрации, принимал меры к предупреждению всякого рода преступлений и проступков, отыскивал и задерживал виновных, представляя их для дальнейшего разбирательства начальнику уезда. Кроме того, аульный сход выбирал судей аульного суда. Аульный суд разбирал дела по незначительным проступкам между жителями аула. Подвергались разбирательству вопросы, входящие в систему традиционной морали, в том числе оскорбление словами, ссоры, драки, пьянство, прелюбодеяния и принесение ущерба общественной земле. Аульный суд передавал свои доказательства в горский словесный суд, для вынесения наказания по шариату. Однако компетенция шариатского суда была ограничена религиозными, семейными и наследственными делами. В остальных вопросах использовался адат, применение которого контролировалось российской властью. Временные правила давали четкую регламентацию, какие дела разбирались по адату, какие по шариату, в каких случаях российское законодательство². Нормы российского законодательства применялись при совершении преступлений против порядка управления.

К началу XX в. царская администрация дала разрешение сельским судьям рассматривать споры и тяжбы на суммы до 50 руб.³ Как отмечали Х. М. Думанов и Х. С. Кушхов, в полномочия сельского суда было включено рассмотрение дел, связанных с семейно-бытовой сферой, для чего на заседание суда приглашали сельского эфендия [15, с. 46].

Что бы упорядочить судопроизводство была издана инструкция «О порядке избрания депутатов, кадия и кандидатов для заседаний в горских словесных судах Кубанской и Терской областей» [16]. По данной инструкции депутатами выбирали из тех адыгов, которые знали тонкости применения адата, соответственно, кадиями лиц, владеющих Кораном и нормами шариата. Отсутствие авторитетных общинников в горских словесных судах наблюдалось из-за низкой оплаты депутатов от адыгских общин. В основном деятельность российских чиновников в данном направлении была нацелена на адаптацию горских судов к началам российского судопроизводства [17, с. 153]. Делая упор на использование адатов, российская администрация стремилась уменьшить влияние ислама в регионе.

Влияние российского законодательства на обычаи местных жителей приводило к адаптации адатов к российскому законодательству. Однако в пореформенное время выполнение адатных норм уже не являлось обязательным для всех адыгов. По отношению к тем, кто категорически отказывался следовать адату, никакие репрессивные меры не применялись. Население обращалось к нормам обычного права добровольно или под давлением представителей своего рода.

Следовательно, можно отметить, что применение обычно-правовых норм было необходимой составляющей реформ российской правовой политики на Северо-Западном Кавказе. Однако, применение обычно-правовых норм было актуально в пореформенный период. В свою очередь, целью реформ, проводимых российской администрацией, являлась

¹ ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 649. Л. 3об.

² Временные правила для горских словесных судов Кубанской и Терской областей // Кубанская справочная книжка на 1891 г. Екатеринодар, 1891. – [электронный ресурс] - 627с. / Режим доступа: <http://kubangenealogy.ucoz.ru/index/0-6> (дата обращения: 08.05.2022)

³ ГАКК. Ф. 660. Оп. 1. Д. 1, 811.

подготовка постепенного перехода Северо-Кавказских народов к российскому законодательству и судопроизводству. Главной особенностью частичного использования норм обычного права у народов Северо-Западного Кавказа явилось то обстоятельство, что Россия вынуждена была примириться со сложившейся мусульманской практикой в области брачно-семейных отношений.

Вхождение Северо-Западного Кавказа в российскую правовую систему сопровождалось кардинальными изменениями в социально-экономической, духовной сферах жизни адыгского этноса. Однако обычное право не могло в полной мере решать правовые коллизии, возникшие из иных, более сложных экономических отношений. С одной стороны, это было столкновение России, в которой начался промышленный переворот, с другой стороны, размывались традиционные ценности, кавказских народов с жестко традиционным укладом.

Как отмечает А. Ю. Шадже, «Россия, а соответственно и Северный Кавказ, представляет собой сложное сочетание двух типов культур – унифицировано-индустриальной и этнически-самобытной, традиционно-ориентированной. Идеальной моделью в данном случае должно служить гармоничное сочетание элементов модернизации и этнически обусловленных стереотипов поведения, уклада жизни, обычаев, национальных особенностей мироощущения» [18, с. 97].

К началу XX вв. при помощи российского государства стала формироваться горская интеллигенция. Соционормативные регуляторы адыгского общества трансформировались, что проявилось в праве, морали, этических нормах, религиозных представлениях. Создавалась новая русско-кавказская культура.

Список источников

1. Ярославский А. Б. Соционормативная культура как саморегулирующая система // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2005. № 4. С. 7–10.
2. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: Изд-во «П.Э.Т.»; Алетейя. 1996. 153 с.
3. Гусейнов А. И. Соотношение права и культуры // Социология власти. 2005. № 6. С. 142–148.
4. Хотинец В. Ю. О содержании и соотношении понятий этическая самоидентификация и этническое самосознание // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67–73.
5. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2014. 800 с.
6. Букина Н. В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 2. С. 232–237.
7. Ханаху Р. А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов н/Д.: Аякс, 2001. 190 с.
8. Гуревич П. С. Философия культуры: Учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов. 2-е изд., доп. М.: Аспект пресс, 1995. 286 с.
9. Монпере Ф. де Д. Путешествие вокруг Кавказа. Майкоп: ОАО ПОЛИГРАФ-ЮГ, 2010. 164 с.
10. Бгажноков Б. Х. Адыгейский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978. 160 с.
11. Кобахидзе Е. И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (конец XVIII – XIX в.) // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 124–125.
12. Кандор Р. С. Административное управление и судебная власть в черкесском ауле середины 60 годов XIX в // Новые технологии. 2008. № 6. С. 79–84.
13. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории: Учеб. пособие: В 2 ч. Ч. 1: С древнейших времен до 1917 г. / Науч. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар: КЭЦРО, 1994. 270 с.
14. Кубанский календарь. 1900 / Под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1899. Т.6. 431 с. Режим доступа: URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/20628-na-1900-god-1899#mode/flipbook/page/4/zoom/4> (дата обращения 10.05.2022)
15. Думанов Х. М., Кушхов Х. С. К вопросу о судостроительстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов. Вып. 6. Майкоп, 1986. С. 41–51.
16. Агишев Н. М. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края / Н. М. Агишев, В. Д. Бушен, Н. М. Рейнке. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912. 278 с. Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104312> (дата обращения: 10.05.2022). – Текст: электронный.

17. Магаева П. И. Горские словесные суды Кубанской области // Вопросы истории. 2005. №12. С. 152–156.

18. Российская идентичность на Северном Кавказе / З. Жаде, Е. Куква, С. Ляушева, А. Шадже; под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. 248 с.

References

1. Yaroslavsky A. B. Sociormative culture as a self-regulating system. *Izvestiya vuzov. Severokavkazskii region. Obshchestvennye nauki = Izvestia of universities. North Caucasus region. Social sciences.* 2005;(4):7–10. (In Russ.)

2. Shpet G. G. *Introduction to ethnic psychology.* St. Petersburg: Publishing house "P.E.T."; Aletheia. 1996. 153 p. (In Russ.)

3. Huseynov A. I. Ratio of law and culture. *Sotsiologiya vlasti = Sociology of power.* 2005;(6):142–148. (In Russ.)

4. Khotinets V. Yu. On the content and relation of the concepts ethical self-identification and ethnic identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies.* 1999;(9):67–73. (In Russ.)

5. Maltsev G. V. *Social foundations of law.* Moscow: NORM: INFRA-M; 2014. 800 p. (In Russ.)

6. Bukina N. V. On the issue of methodology for the study of cultural codes. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University.* 2010;(2):232–237. (In Russ.)

7. Hanahu R. A. *Traditional culture of the North Caucasus: challenges of time (socio-philosophical analysis).* Rostov-on-Don: Ajax; 2001. 190 p. (In Russ.)

8. Gurevich P. S. *Philosophy of Culture: A textbook for students is humanitarian universities.* 2nd ed., Add. Moscow: Aspect of press; 1995. 286 p. (In Russ.)

9. Montpere F. de D. *Journey around the Caucasus.* Maykop: OJSC POLYGRAF-SOUTH, 2010. 164 p. (In Russ.)

10. Bggazhnokov B. Kh. *Adygea etiquette.* Nalchik: Elbrus; 1978. 160 p. (In Russ.)

11. Kobakhidze E. I. Ossetia in the system of state-administrative management of the Russian Empire (late XVIII-XIX centuries). *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review.* 2003;(5):124–125. (In Russ.)

12. Kandor R. S. Administrative administration and judicial power in the Circassian aul of the mid-60s of the XIX century. *Novye tekhnologii = New technologies.* 2008;(6):79–84. (In Russ.)

13. *The past and present of Kuban are aware of Russian history:* Textbook: In 2 hours Part 1: From ancient times to 1917 / Scientific. ed. V.N. Ratushnyak. Krasnodar: KATSRO, 1994. 270 p. (In Russ.)

14. Kuban calendar. 1900. Ed. S. V. Rudenko. Yekaterinodar, 1899. T.6. 431 p. Access mode: URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/20628-na-1900-god-1899#mode/flipbook/page/4/zoom/4> (accessed date 10.05.2022)

15. Dumanov Kh. M., Kushkhov Kh. S. On the issue of judicial system and legal proceedings in Kabarda in the second half of the XIX – early XX centuries. *Kul'tura i byt adygov = Culture and life of the Adyghs.* 1986;(6). Maykop. P. 41–51. (In Russ.)

16. Agishev N. M. *Materials on the review of mountain and people's courts of the Caucasus region* /N. M. Agishev, V. D. Bushen, N. M. Reinke. St. Petersburg: Senate Printing House; 1912. 278 p. Available from: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=104312> accessed date: 10.05.2022). (In Russ.)

17. Magaeva P. I. Gorsky verbal courts of the Kuban region. *Voprosy istorii = Questions of history.* 2005;(12):152–156. (In Russ.)

18. Russian identity in the North Caucasus/Z. Zhade, E. Kukva, S. Lyausheva, A. Shadzhe; under the general editor A.Yu. Shadzhe. Moscow: Social and humanitarian knowledge; Maykop: Quality LLC; 2010. 248 p. (In Russ.)

Информация об авторе

И. З. Суханова – доцент кафедры теории и истории государства и права, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов.

Information about the author

I. Z. Sukhanova – Associate Professor, Department of Theory and History of State and law, Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.05.2022; одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 14.06.2022.

The article was submitted 27.05.2022; approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 14.06.2022.